

“Догоняющее” развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее

*А.С. ПРОЗОРОВСКИЙ**

***ПРОЗОРОВСКИЙ Анатолий Станиславович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: Москва, 117997, Профсоюзная ул., 23. E-mail: enhael2015@mail.ru

В данной статье автор, опираясь на методологию теории модернизации и концепцию социального развития Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, анализирует опыт “догоняющего” развития Южной Кореи. Акцент делается на роли национального политического лидера и феномене модернизаторского авторитаризма. Исследуются предпосылки становления и особенности “корейской модели”, а также эволюция ее институтов, обеспечивших форсированное экономическое развитие и формирование рент для элит. Отмечается, что, содействуя продвижению модернизации, авторитаризм, по мере успехов развития, размывает основы собственного существования и создает предпосылки политической либерализации. При этом сложившаяся система взаимоотношений верховной власти и элит позволяет избежать политических потрясений при смене режима и продолжить догоняющее развитие и движение к порядку открытого доступа.

Ключевые слова: Южная Корея, авторитаризм, модернизация, догоняющее развитие, рента, социальные порядки ограниченного доступа.

DOI: 10.31857/S086904990010070-9

Цитирование: Прозоровский А.С. (2020) “Догоняющее” развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее // Общественные науки и современность. № 3. С. 72–83. DOI: 10.31857/S086904990010070-9

Работа выполнена на основе материалов проекта “Нестандартные институты: условия и инструменты успешного проведения структурных изменений (политико-экономический аспект)”, выполненного на базе АНЦЭА по заказу ЦСР в 2016–2017 гг. Ее первая версия была обсуждена в рамках цикла семинаров “Социальные порядки: природа и динамика”, проходившего в НИУ ВШЭ в 2018–2019 гг.

“Catch-up” Development and Modernizing Authoritarianism in South Korea

Anatoliy S. PROZOROVSKY*

***Anatoliy S. Prozorovsky** – PhD (Politics), senior research fellow of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: enhael2015@mail.ru

Abstract. In this article, the author, relying on the methodology of modernization theory and the concept of social development of D. North, J. Wallis and B. Weingast, analyzed the experience of "catching up" development of South Korea. Emphasis is placed on the role of the national political leader and the phenomenon of modernizing authoritarianism. The prerequisites for the formation and features of the "Korean model", as well as the evolution of its institutions, which provided forced economic development and the formation of rents for elites, are studied. It is noted that by promoting modernization, authoritarianism, with the success of development, blurs the foundations of its own existence and creates prerequisites for political liberalization. At the same time, the existing system of relations between the state power and the elites allows avoiding political upheavals during the regime change and continuing the catch-up development and movement towards the open access order.

Keywords: South Korea, Authoritarianism, Modernization, “catch-up” development, rents, limited access orders.

DOI: 10.31857/S086904990010070-9

Citation: Prozorovsky A.S. (2020) “Catch-up” Development and Modernizing Authoritarianism in South Korea. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 72–83. DOI: 10.31857/S086904990010070-9 (In Russ.)

“Догоняющее” развитие — это этап процесса модернизации, когда страна ускоренно преодолевает отставание от ведущих мировых держав. Оно осуществляется под контролем государства, целенаправленно, комплексно, в сжатые сроки и с большим напряжением сил. Масштабность и сложность решенных при этом задач требуют высокой централизации управления, что порождает “заявку” на авторитарный сдвиг в системе власти. В результате возникает особый тип авторитаризма – модернизаторский авторитаризм.

Для него характерно сосредоточение усилий прежде всего в сфере экономики. Политическая модернизация обычно откладывается “на потом”. По мере экономического развития происходит рост среднего класса и формируются предпосылки политической либерализации, что ведет к размыванию основ авторитаризма. Последующий переход к демократии возможен подчас мирным путем. При этом новая власть, опираясь на заложенный модернизаторским авторитаризмом экономический фундамент, может продолжать “догоняющее” развитие в других сферах.

Южная Корея – один из наиболее ярких примеров успешного “догоняющего” развития, а также того, как вслед за экономическим ростом в стране менялась социальная структура, возникал запрос на политическую либерализацию. В итоге авторитаризм сменился демократией (не без серьезной политической борьбы, но и без революционных потрясений).

Предпосылки форсированной модернизации

В конце 50-х гг. XX в. Южная Корея развивалась подобно другим странам Восточной и Юго-Восточной Азии, для которых была типична запоздавшая модернизация. Существовавшая в стране номинальная демократическая система, выстроенная по за-

падному образцу, страдала от коррупции и таких традиционных корейских явлений, как регионализм и фракционность [Park Chung Hee 1970, с. 30–31]. Президент Ли Сын Ман, активно проявивший себя в годы Корейской войны, постепенно все больше склонялся к авторитаризму, причем отнюдь не модернизаторскому, и утрачивал популярность.

Хозяйственная сфера на тот момент характеризовалась слабой, низкотехнологичной производственной базой. Юг Корейского полуострова традиционно был аграрным. Не имея собственных природных ресурсов, страна зависела от внешней помощи, поступавшей преимущественно из США. Созданные японцами предприятия и банки были национализированы, а затем приватизированы людьми из ближайшего окружения президента. Этот слой военных-бюрократов-капиталистов участвовал в распределении гуманитарной помощи, получал госконтракты и лицензии на госзакупки, взамен осуществляя отчисления в кассу правящей Либеральной партии.

Следуя популярной сегодня концепции Д. Норта, состояние Южной Кореи конца 1950-х гг. можно охарактеризовать как хрупкий социальный порядок ограниченного доступа. Хрупким его делала зависимость от внешней помощи, помимо которой центральная власть почти не имела других источников ренты. Между различными группировками элиты шла постоянная борьба за доступ к ренте. А Ли Сын Ман поддерживал баланс сил, сталкивая группировки между собой и тем самым ослабляя их.

Попытки создать импортозамещающие отрасли не дали результата в силу своей краткосрочности и “откатного” характера экономики. А вот аграрная реформа, начатая в 1949 г., оказалась успешной. Этой реформой Ли Сын Ман подорвал позиции земельной аристократии, обладавшей собственным, независимым от Сеула, источником ренты и финансировавшей демократическую оппозицию. В то же время реформа повысила авторитет центральной власти среди крестьян, которые (в 1949 г.) одобряли северокорейское решение “вопроса о земле”.

Сократив разрыв в доходах между городом и деревней, реформа подтолкнула социальные изменения на селе. Начался отток молодежи в города в поисках работы и получения образования. К концу 1950-х гг. численность студенчества значительно возросла, а сами студенты стали наиболее сплоченным и политически активным слоем южнокорейского общества.

Завершенность аграрных преобразований в Южной Корее (характерная для НИС первого поколения) способствовала в будущем более динамичному развитию страны. Но на тот момент сокращение американской помощи, нарастание экономических проблем вкупе с политическим застоєм привели к снижению поддержки режима и в обществе, и у части элиты, в том числе и военной. Грубая фальсификация результатов выборов в 1960 г. подняла волну народного протеста, подавление которого осудили в США. Ли Сын Ман был вынужден подать в отставку и покинуть страну.

Неудачный опыт демократии

Оказавшиеся у руля так называемой Второй республики (1960–1961 гг.) демократические силы, казалось, могли вывести страну из авторитарной колеи, но размежевания по региональному и фракционному признаку и борьба за доступ к немногочисленным источникам ренты не дали им создать прочную демократическую коалицию. За 9 месяцев работы правительства его состав обновлялся трижды, экономическая программа не была выработана, а политическая элита не имела видения пути развития страны [Joungwon Kim 1997, p. 204]. Система “откатов” времен Ли Сын Мана сохранилась, а уровень коррупции среди чиновников и бизнесменов даже вырос.

США были готовы предоставить помощь лишь на условиях контроля над ее распределением. Половина бюджетных расходов оказалась в ведении Вашингтона. Позднее “отец корейского чуда” Пак Чжон Хи отметил, что подчиненность США в экономике,

внутренней и внешней политике означала, что Корея так и не стала независимой [Park Chung Hee 1979^a, p. 29].

Без собственной программы правительство и парламентарии пошли на поводу “общественного мнения”, которое проявлялось в бесконечных уличных демонстрациях. Особо активно выступали студенты леворадикальных взглядов. “Национальная студенческая федерация за воссоединение родины” потребовала от парламентариев начать переговоры с КНДР и повела кампанию по сбору подписей в поддержку немедленного объединения. В тогдашних условиях это означало для Южной Кореи утрату суверенитета, а для ее элиты – лишение всех политических перспектив, а возможно, и жизни. Но даже в этой ситуации правительство действовало нерешительно. Положение спасли военные, которые давно готовили путч. Военный переворот 16 мая 1961 г. положил конец Второй республике.

Модернизаторский авторитаризм Пак Чжон Хи

Возглавлявший путчистов генерал Пак Чжон Хи ввел в стране военное положение, которое сохранялось до 1963 г. За это время Пак сумел восстановить общественный порядок, отсечь от рычагов власти своих соратников-конкурентов из числа военных, внести ряд поправок в конституцию и, выдвинув свою кандидатуру, победить на президентских выборах в октябре 1963 г.

С самого начала у режима Пак Чжон Хи проявилась “экономическая специализация”. Познакомившись с северокаорейским опытом в ходе тайных контактов с Пхеньяном в 1961 г., Пак собирался поднимать экономику аналогичным путем, через индустриализацию в госсекторе и развитие импортозамещения. Но это не устраивало США, которые тогда буквально содержали страну. От Пака потребовали пересмотреть планы, усилив в них рыночную составляющую. В итоге за основу была взята японская экспортно ориентированная модель развития, лучше всего соотносившаяся с теми идеями и ресурсами, которые имелись в распоряжении Пак Чжон Хи. Генералу, выстраивавшему свою авторитарную систему с прицелом на доминирующую роль государства в процессе модернизации, импонировало жестокое государственное регулирование, присущее японской экономике.

В Японии прибыль от экспорта шла на создание накоплений для последующих инвестиций. По мысли Пака, Южной Корее предстояло стать “фабрикой” по переработке импортного сырья и производству экспортной продукции, прибыль от которой пойдет на дальнейшее развитие. Крупные корпорации, составлявшие основу японской экономики, имели в Корее свой аналог – чеболь. Будучи готовыми фрагментами японской модели, эта форма была “предопределена” стать основой модели корейской. И лишь характерное для Японии широкое привлечение иностранного капитала и технологий в Южной Корее оказалось затруднено в силу политической нестабильности в стране в начале 1960-х гг. Заменой иностранным инвестициям на первых порах должны были стать займы и кредитная экспансия государства.

Таким образом, рыночная экономика и частное предпринимательство в южнокорейской модели “обозначали” для Запада принадлежность страны к капиталистическому лагерю. А из северокаорейского опыта была взята идея использования пятилетних планов развития хозяйства.

Режим Пака установил контроль над финансами. Банки были национализированы, вклады заморожены, а средства свыше определенной суммы – конфискованы как “незаконные накопления”. При этом у оппозиции были изъяты средства. Некоторые суммы режим получил в ходе показательной кампании по борьбе с коррупцией. Но главным источником средств стала японская помощь.

Еще до отмены военного положения Пак закулисно урегулировал с Японией вопрос о репарациях, тянувшийся со времен Ли Сын Мана. По итогам секретных переговоров

Япония обязалась выплатить за 10 лет 300 млн долл. безвозмездно в качестве репараций; за тот же срок Южная Корея получила еще 200 млн долл. в виде государственных займов и свыше 100 млн долл. частных коммерческих инвестиций. При этом 130 млн долл. были даны сразу для финансирования первого пятилетнего плана и 20 млн долл. предназначались будущей партии власти – Демократической Республиканской партии (ДРП) [Joungwon Kim 1997, p. 246].

Словом, уже на начальном этапе режим смог аккумулировать средства, достаточные для собственного укрепления и “запуска” экономической модели. Успешности “запуска” реформ и “догоняющего” развития в целом способствовал ряд факторов. Важным внешним фактором стала поддержка США, которые одобрили переворот и предоставили свои рынки для южнокорейского экспорта, а позднее, когда модель Пак Чжон Хи заработала, кредиты и инвестиции. Другим внешним фактором стало взаимовыгодное сотрудничество с Японией, заинтересованной в дешевой рабочей силе. Южная Корея, в свою очередь, нуждалась в инвестициях и технологиях. Географическая, культурная и языковая близость облегчала деловые контакты и взаимопонимание сторон. Нельзя сбрасывать со счетов и угрозу со стороны КНДР, военная и экономическая мощь которой на тот момент превосходила возможности Юга и вынуждала южнокорейскую элиту принять сторону военных.

Важный внутренний фактор – наличие такой формы организации производства, как чеболь. Определенную роль сыграли традиционное корейское трудолюбие и неприязнательность, позволявшие долго сдерживать внутреннее потребление, направляя все ресурсы на рост экспортно ориентированных отраслей.

Опоры авторитарного режима и южнокорейская элита

В целом не следует переоценивать важность для военных общественной поддержки режима. Ни общество, ни элиты не могли противостоять путчистам. Вместе с тем военные (в массе своей выходцы из крестьянской среды) на первых порах не имели связей и “интересов” в политике и бизнесе. Это давало им значительную автономию и возможность диктовать свою волю.

Для сохранения автономности в будущем Пак сделал своими опорами в первую очередь силовые структуры – армию, полицию и спецслужбы. В армии была проведена “чистка” от коррумпированных чинов. Освободившиеся посты заняли молодые, лояльные режиму офицеры. Полиция, прекратившая несение службы при “демократах”, вернулась к исполнению своих обязанностей.

Спецслужбой, игравшей ведущую роль в обеспечении устойчивости режима, стало созданное в это время корейское Центральное разведывательное управление (КЦРУ). Оно координировало работу внешней и внутренней разведки, руководило всеми государственными структурами в сфере национальной безопасности, с его помощью была проведена кампания по борьбе с коррупцией, созданы многочисленные общественные организации, призванные вести агитацию, разъяснительную работу и укреплять авторитет режима среди населения.

Испытывая негативное отношение к любым партиям как к организациям, несущим обществу идейный раскол и противостояние, Пак Чжон Хи, тем не менее, был вынужден создать собственную партию, когда США стали настойчиво требовать от него вернуть Южную Корею к гражданскому правлению. При ее создании вновь был использован северо-корейский опыт. ДРП функционировала на принципах демократического централизма, что позволило пресечь проявления регионализма и фракционности в ее рядах [Joungwon Kim 1997, p. 237].

Настоящей политической элитой при Пак Чжон Хи стала бюрократия. Пак считал, что ни одна иная структура не должна занимать в государстве такого места, как чиновни-

ки. Уволенным в ходе борьбы с коррупцией в 1961–1962 гг. 17 тыс. чиновникам на смену пришли молодые люди, получившие высшее образование в США, знакомые с западным менеджментом и экономическими теориями. Именно они, работая в министерстве финансов и Управлении экономического планирования, определяли экономическую политику [Hahn, Plein 1997, p. 41]. Решали, какие отрасли получают развитие в первую очередь, на какие проекты государство будет давать кредиты и кто из бизнесменов может рассчитывать на получение тех или иных рент.

В отношении фигур на ключевых постах Пак был весьма консервативен. За свое правление он лишь трижды менял премьер-министра. Мало перестановок было и на уровне министерств, за исключением министерства внутренних дел, юстиции и образования, где лишь с 1972 по 1979 г. сменилось по четыре–пять начальников, что было связано с внутривластной нестабильностью того периода [Nahm 1988, p. 438–439].

Отношения с бизнесом выстраивались с использованием методов “кнута и пряника”. Пак провел ряд встреч с руководителями фирм, чьи личные качества показались ему наиболее перспективными. Президент обрисовал контуры будущей экономической политики и новые “правила игры”. Бизнес должен был поддерживать власть, в том числе и финансово, но не пытаться устанавливать личные связи ради извлечения выгод. Он также не должен был претендовать на участие в политике. Взамен власть ограждала его от внешних конкурентов, стимулировала финансово при выполнении важных для государства проектов, предоставляла ряд преимуществ фирмам, производящим экспортную продукцию и т.д. Такую систему можно назвать “государственным капитализмом”. По своей эффективности она значительно превосходила “бюрократический капитализм”, различные варианты которого встречались в то время в регионе повсеместно.

Экономическая модернизация требовала опоры и на научную элиту. Пак Чжон Хи сумел привлечь ряд южнокорейских экономистов и политологов к разработке пятилетних планов и идеологии. Позднее он отмечал, что это “оживило конфуцианские традиции династии Ли, где ученые играли большую роль в государственных делах” [Park Chung Hee 1971, p. 107]. Но по большей части интеллектуальная и научная элита дистанцировалась от режима. Студенчество и преподаватели университетов стали главными противниками авторитаризма, систематически дестабилизируя систему своими выступлениями.

Механизмы экономической модернизации

Основным механизмом координации и контроля экономического развития стало Управление экономического планирования (УЭП). В его составе имелись “Бюро всеобщего планирования”, “Бюро мобилизации материальных ресурсов”, связанное с министерством строительства, “Статистическое бюро”, связанное с министерством внутренних дел, а также “Бюджетное бюро”, связанное с министерством финансов. Позднее появилось еще “Бюро снабжения”, позволявшее контролировать движение всех товаров и капиталов внутри страны, а также поступление иностранной помощи и инвестиций [Eun Mee Kim 1997, p. 102–103]. Управление занимало доминирующее положение в государственной системе, а его деятельность постоянно находилась в сфере внимания президента.

Претворение в жизнь планов УЭП возлагалось в значительной мере на чеболь. Эти крупные частные корпорации отличались высокой диверсификацией производства и долгосрочной стратегией действий на рынке. Их специфической чертой была семейно-клановая основа управления. Пронизанные конфуцианскими традициями семейные отношения переносились в сферу бизнеса, обеспечивая централизацию и соблюдение субординации.

Сконцентрировав финансы в своих руках, государство запретило чеболь создавать банки. Лишенные финансовой независимости, они были вынуждены следовать рекомендациям

УЭП. Государство же своей кредитной политикой подсказывало чеболю, развитие каких отраслей оно считает приоритетным. Кроме того, оно вело мониторинг деятельности чеболю, ранжируя их на “сильных” и “слабых”. “Сильным” предоставлялась возможность извлечения ренты через выгодные контракты и различные налоговые льготы; для “сильных” прибыли от экспорта не облагались подоходным налогом. С валовой экспортной выручки не взимался налог с оборота. Экспортер освобождался от уплаты товарных налогов. Был упрощен порядок обложения таможенными пошлинами необходимых экспортеру импортных товаров и сырья [Суслина 1988, с. 23].

Возможность извлекать ренту не являлась для чеболю бессрочной, но тесно увязывалась с прибыльностью фирм. “Слабые” фирмы лишались государственных гарантий и льгот. Корпорации, определенные как неэффективные и убыточные, беспощадно банкротились. В итоге ради сохранения и расширения ренты бизнес готов был идти на перевыполнение планов УЭП.

Приоритетной задачей первых пятилеток было наращивание экспорта товаров легкой промышленности. Прибыли от экспорта направлялись в текстильную промышленность, производство стройматериалов и минеральных удобрений, а с началом третьей пятилетки (1972–1976 гг.) – на развитие отраслей тяжелой и химической промышленности (ТХП), создание которой продавливалось президентом из политических соображений: они должны были стать основой южнокорейского ВПК [Eun Mee Kim 1997, p. 139]. Кроме того, своя индустриальная база позволяла осваивать всю цепочку производственных процессов, сократить затраты на импорт сырья и комплектующих, разрабатывать технологии и создавать экспортную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Однако без господдержки (и гарантий) чеболю вряд ли бы взялись за создание ТХП, выглядевшее слишком затратным и нерентабельным. Так через ренту стимулировалось не только расширение производства, но и выход в другие отрасли, и создание новых источников ренты.

Сотрудничество с режимом не сделало чеболю подобием госсектора. Если “Hyundai”, “Ssangyong” и “Daewoo” выросли на государственных кредитах и контрактах, то “Samsung” и “Lucky-Gold Star” работали в основном с иностранными инвесторами, что тоже давало определенные льготы. Государство охраняло имущество предприятий со смешанным капиталом и выступало гарантом по их внешней задолженности. Инвестор освобождался от налогов на первые пять лет своей деятельности, а в последующие три года платил налоги в 50% от нормы. Но УЭП разрешало инвестиционные проекты лишь в отраслях, чье развитие предусматривалось пятилетними планами, рекомендуя в иных случаях прибегать к иностранным займам и кредитам.

Осуществляя управление развитием, иницируя многие капиталоемкие и долгосрочные проекты, государство брало на себя роль гаранта перед бизнесом и его зарубежными партнерами и было вынуждено делить риски с фирмами-исполнителями, утрачивая тем самым свою изначальную автономность. Примером партнерства по рискам стал кризис ликвидности 1972 г., когда государству пришлось спасти ряд “сильных” чеболю. Набирая займы на неформальном финансовом рынке по ставке в 40–50% для осуществления собственных планов, они оказались на грани банкротства, когда в 1972 г. под давлением МВФ и США была проведена девальвация вон. Благодаря государственному вмешательству долги были реструктурированы, ставки снижены, а выплаты отсрочены на несколько лет. По неформальному финансовому сектору был нанесен сильный удар, а власть и чеболю упрочили свой союз.

Государственная политика совпадала с интересами чеболю, когда речь заходила о трудящихся. Изнанкой “корейского чуда” была сильнейшая эксплуатация рабочих, тяжелые условия труда и самый продолжительный рабочий день в мире (до 15 часов). Профсоюзы сохранялись, но их деятельность была ограничена. Стачки и забастовки были запрещены, с 1971 г. участие в них приравнивалось к уголовным преступлениям.

К началу 1970-х гг. бурное промышленное развитие привело к снижению производства в сельском хозяйстве. Исправление диспропорций началось в 1971 г. с программы помощи селу, получившей название “Сымаиль ундон” – “Движение за новую деревню” (ДНД). Ее задачами было предотвращение расслоения и обезземеливания крестьянства, повышение их доходов и улучшение уровня жизни, а также обучение крестьян современным агротехническим приемам. В результате с 1971 по 1976 г. была значительно улучшена инфраструктура в сельских районах, началось применение селекционных сортов риса и химических удобрений. В интересах крестьян государство подняло закупочные цены на их продукцию. Стимулировалось развитие кооперации. За годы правления Пак Чжон Хи благосостояние крестьян увеличилось примерно на 700% [Park Chung Hee 1979, p. 6–7].

Основные идеи ДНД – усердие, сотрудничество и опора на собственные силы – были подхвачены в городах и на предприятиях. Специальный Институт в Сувоне осуществлял массовое обучение активистов ДНД и стажировку чиновников, вплоть до министров. Для авторитарного режима ДНД стало проводником официальной идеологии. До этого идеологию заменял лозунг “Legitimacy through Performance” – “Легитимность через результаты”. Однако с замедлением темпов экономического роста в 1970-х гг. режиму потребовалась идеологическая “подпорка”.

Идеологию *чучхесон* Пак Чжон Хи разрабатывал сам при содействии южнокорейских политологов Хан Сын Чжо, Чха Ги Бэк и ряда других. Она представляла собой синтез национальных традиций и конфуцианских установок с элементами западной ментальности и культуры, способствовавшими экономическому процветанию. На базе этой идеологии возникла концепция “Демократии корейского стиля”, где нормы западной демократии были поставлены на “здоровую корейскую основу”, авторитаризм выступал гарантом справедливости и социальной гармонии, а свобода увязывалась с уровнем экономического развития.

Эволюция режима Пак Чжон Хи

До начала 1970-х гг. режим Пак Чжон Хи представлял собой умеренный авторитаризм. В стране регулярно (в 1963 и 1967 гг.) проходили выборы, которые оценивались оппозицией как законные и честные [Ким Дэ Чжун 1992, с. 123]. Третьи выборы (1971 г.) потребовали референдума и специальной поправки в конституции. Пак Чжон Хи выиграл их с большим трудом, и было очевидно, что продление президентства на новые сроки уже невозможно. Пак опасался, что, придя к власти, оппозиция прервет реализацию его модернизационного проекта. Сохранение курса требовало изменений во внутренней политике. В октябре 1972 г. Пак Чжон Хи пошел на резкое ужесточение режима, введя военное положение и распустив парламент. Государственный Совет принял новую конституцию “Юсин хонхоп” (Конституция возрождения реформ), по которой президент получал диктаторские полномочия, избирался непрямым голосованием, на безальтернативной основе и не ограниченное количество раз.

Введение системы “Юсин” не вызвало критики со стороны США, которые оказались в определенной зависимости от режима Пак Чжон Хи и уже не могли давить на него экономически. Южнокорейские войска (за соответствующую плату) участвовали во Вьетнамской войне на стороне США. Многие американские сенаторы и должностные лица оказались подкуплены Сеулом с целью лоббирования южнокорейских интересов [Oberdorfer 1997, p. 50]. Когда об этом стало известно, скандал был настолько громким, что, по аналогии с Уотергейтским, получил название “Кореягейт” (FEER 27.01.1978, p. 22–23).

Для Южной Кореи 1970-е гг. стали сложным периодом, когда создание сталелитейной промышленности, нефтехимии, автомобиле- и судостроения проходило на фоне топливного кризиса 1973 г. и мирового экономического кризиса 1974–1975 гг. Тем не менее страна создала собственную ТХП и смогла выйти на внешний рынок с ее продукцией. В 1977 г. южнокорейский экспорт достиг 10 млрд долл. против 175 млн долл. в 1965 г.

Между тем внутривластная обстановка становилась все более напряженной. На репрессии против оппозиции и чрезвычайные декреты президента общество отвечало демонстрациями и студенческими волнениями. В 1974 г. на Пак Чжон Хи было совершено покушение, в результате которого погибла его жена. Попытка властей в 1979 г. противодействовать лидеру Новой демократической партии Ким Ён Саму привела к отставке в знак протеста всех депутатов оппозиции. Разразился политический кризис, усугубившийся студенческими волнениями в Пусане, Масане и ряде других городов. В этой ситуации удар системе был нанесен с неожиданного направления. 26 октября 1979 г. Пак Чжон Хи был застрелен за ужином в штаб-квартире КЦРУ директором этой спецслужбы Ким Чжэ Гю.

Трансформация модернизаторского авторитаризма

Внезапная смерть Пак Чжон Хи побудила различные политические силы к активным действиям. Правительство во главе с премьер-министром Цой Кю Ха полагало, что необходим переходный период. Оппозиция рассчитывала на скорейшее установление демократии. В армейской среде не было единства. Генералы старшего поколения опасались повторения “демократии” 1960 г. Для молодых же военных ситуация открывала новые перспективы.

12 декабря 1979 г. генерал Чон Ду Хван, принадлежавший к молодому поколению военных, совершил переворот. Начались репрессии против оппозиции. Арест ее лидеров – Ким Дэ Чжуна и Ким Ён Сама – вызвал массовые демонстрации и студенческие волнения, кульминацией которых стало восстание в Кванчжу – столице Южной Чоллы. Жители Кванчжу поднялись в защиту Ким Дэ Чжуна – выходца из Чоллы и единственного “своего” человека в политике [Симония 1996, с. 53]. В ходе подавления восстания было убито около двух тысяч человек. Окончательно авторитарный режим оформился к началу 1981 г. Новые поправки к конституции предоставляли Чон Ду Хвану значительные полномочия, но ограничивали его президентство одним семилетним сроком.

Экономика Южной Кореи на рубеже 1970–1980-х гг. оказалась в полосе депрессии из-за повышения цен на нефть, укрепления протекционистских барьеров в США и Японии и усиления конкуренции со стороны стран АСЕАН. Увеличился дефицит торгового баланса, валютные резервы страны сократились. Для новой команды экономистов-рыночников в УЭП и министерстве финансов выход виделся в либерализации экономики и финансовой сферы. Чеболь поддерживали эту линию, поскольку уже тяготились государственным вмешательством. Чон Ду Хвану же нужны были экономические успехи для упрочения собственной легитимности. [Eun Mee Kim 1997, p. 172].

В итоге государство сократило контроль над финансовой сферой, началась приватизация банков. Чеболь было предложено искать средства на мировом финансовом рынке, привлекать иностранные инвестиции, продавать свои акции на бирже и т.д. Список открытых для иностранного капитала отраслей был расширен, а его доля допускалась до 100%, если производство нуждалось в модернизации. УЭП более не определяло приоритетные направления развития, а выполняло скорее регулирующие функции. Существовавшая со времен Пака система взаимоотношений власти и бизнеса оказалась нарушенной.

Теряя контроль над крупным бизнесом и стремясь упрочить свое положение, власть обратилась к социальной политике. Ряд отраслей был закрыт для чеболь, там должен был работать мелкий и средний бизнес. Реформа трудового законодательства улучшила условия труда. Выросли вложения в образование и здравоохранение. Начался рост заработной платы. В 1980-х гг. в городской среде доля среднего класса стала составлять порядка 50% жителей. Однако он не стал опорой государства и залогом стабильности режима. Напротив, это были люди, нацеленные на изменение системы. К 1980-м гг. экономические успехи страны уже породили запрос на политическую либерализацию, которую режим все еще откладывал.

В целом результаты реформ выглядели положительно. С 1982 по 1988 г. ВВП возрастал в среднем на 10,5% в год. Доля сельского хозяйства в ВВП снизилась с 37,0% до 10,8%. Было создано около 2,8 млн новых рабочих мест, что снизило безработицу до 2,5%. Началось осуществление долгосрочных программ. В 1982 г. страна приступила к модернизации вооруженных сил, а в 1987 г. министерство науки и технологии запустило пятнадцатилетний план научно-технического развития Южной Кореи.

Однако авторитарная система при Чон Ду Хване постепенно утрачивала модернизаторские черты. Сокращение вмешательства государства в экономику парадоксальным образом привело к сращению бизнеса и власти. Символом этого стали “благотворительные фонды” Чон Ду Хвана, которые чеболь должны были постоянно пополнять. Были случаи ликвидации фирм за недостаточные “взносы” [Eun Mee Kim 1997, p. 201–202]. Фонды курировались родственниками президента, тратившими средства на недвижимость и престижное потребление. Взамен бизнес мог влиять на власть в вопросах принятия экономических решений. Свои интересы чеболь лоббировали и через популярную практику заключения браков в среде политической, управленческой и бизнес-элиты. На смену положительным рентам времен Пака, стимулировавшим расширение производства и освоение новых отраслей, пришли устойчивые коррупционные связи между властью и бизнесом. Они лишили власть последних остатков автономности и сделали обе стороны уязвимыми перед лицом экономических и политических потрясений.

Демократический транзит

Желая оттянуть приход оппозиции к власти, Чон Ду Хван продвинул на политическую арену своего соратника Ро Дэ У, а весной 1987 г. предложил программу политических реформ, которая вызвала раскол в рядах оппозиции. Победа на выборах досталась Ро Дэ У, начавшему демократические преобразования при сохранении прежнего экономического курса. Фактически ему пришлось принять требования оппозиционеров по пересмотру конституции, введению прямых президентских выборов, освобождению политзаключенных и т.д. Опираясь на парламентский блок партии власти и оппозиционных сил, Ро Дэ У добился политической стабильности. В выборах 1992 г. он уже не участвовал, предоставив Ким Ён Саму все права на лидерство.

Ким Ён Сам довершил сворачивание авторитарной системы, проведя “чистку” парламента, партий, общественных организаций и госаппарата от военных, которые в предыдущие годы плотно “оккупировали” эти структуры. Спецслужбы были лишены права вмешиваться в политику. Институт выборов начал функционировать так, как это происходит в развитых странах или в условиях так называемых социальных порядков открытого (свободного) доступа (ПСД).

Другим направлением реформ стала борьба с коррупцией на всех уровнях. Перерегистрация банковских вкладов выявила множество счетов высокопоставленных чиновников, открытых на вымышленные имена. Были обнаружены счета предыдущих президентов с крупными суммами от взяток. На скамье подсудимых оказались и диктатор Чон Ду Хван, и “южнокорейский Горбачев” Ро Дэ У [Oberdorfer 1997, p. 378–379].

Подсудность первых лиц, верховенство права для политической и управленческой элиты характерны лишь для ПСД. Южная Корея сделала большой шаг в этом направлении. Но в тот момент разоблачение экс-президентов бросало тень на существующую власть, которая уже “наработала” собственные коррупционные связи с бизнесом. В результате расследования причин краха сталелитейного концерна “Hanbo” под судом оказались и люди из окружения Ким Ён Сама, включая его сына Ким Хён Чоля, получившего, в итоге, тюремный срок [Федоровский 1999, с. 70]. Это повредило популярности Ким Ён Сама, которая на тот момент и без того снизилась из-за экономических неудач.

Азиатский финансовый кризис 1997 г. нанес сильный удар по экономике, выявил не состоятельность ряда чеболь и крупных банков, поставил страну на грань финансового краха. Кризисные симптомы были замечены правительством, но вовремя не исправлены. Государство, снижавшее вмешательство в экономику со времен Чон Ду Хвана, почти утратило рычаги воздействия на крупный бизнес, а тот давно подобрал “финансовые ключи” к чиновникам, отвечавшим за экономические реформы и разукрупнение чеболь. Видя, что министерство финансов “плотно” контролирует движение долгосрочных кредитов, чеболь стали использовать краткосрочные кредиты для финансирования долгосрочных проектов. В итоге долговые обязательства чеболь в 20 раз превысили сумму их ликвидности и составили около 110 млрд долл. Кризис с ликвидностью вызвал цепную реакцию банкротств. Выводить страну из тяжелой ситуации пришлось уже следующему президенту-демократу Ким Дэ Чжуну.

* * *

“Догоняющее” развитие Южной Кореи – уникальный пример того, как отсталая страна “третьего” мира смогла вырваться на уровень развитых стран. Успех был достигнут в первую очередь благодаря наличию национального лидера Пак Чжон Хи, со стратегическим видением, волей и силой, позволившей осуществлять изменения и переломить негативную ситуацию. Удачным был выбор модели развития, позволивший при отсутствии природных ресурсов следовать примеру Японии, опираясь на созданные по японскому образцу чеболь. И, конечно, свою роль сыграла заинтересованность Соединенных Штатов в удержании Южной Кореи в своей сфере влияния, а “развитие по приглашению” дало ей значительное преимущество по сравнению с другими странами региона.

Успешность развития была обусловлена продолжительностью авторитарного периода и преэминентностью во внутренней политике страны. Как показала практика, форсированная модернизация может протекать в сравнительно короткий срок, если взятый курс и темпы неизменны. Переход к демократии не стал помехой, поскольку политики, вставшие у руля в 1990-е гг., сформировались еще при Пак Чжон Хи. Они закалились в политической борьбе и обрели свое видение будущего страны.

Пороговые условия, позволяющие государству перейти к порядку свободного доступа (ПСД), в Южной Корее сегодня почти достигнуты, хотя в 1990-х гг. говорить об этом было рано. Действует институт выборов, причем выборы 1963 и 1967 гг. и проходившие после 1992 г. были признаны честными. Образовались мощные партии, ставшие долговременными негосударственными организациями со своим видением перспектив развития. Антикоррупционная кампания Ким Ён Сама заложила традицию “надзора” общества и СМИ за президентами, крупными чиновниками и бизнесменами. Такой контроль присущ ПСД и не встречается на более ранних стадиях развития. Удаление военных от власти поставило армию под контроль государства и лишило ее возможности неформального воздействия на систему управления и бизнес.

Да, сегодняшняя социально-политическая и экономическая система Южной Кореи не лишена недостатков. Чеболь остаются наиболее закрытыми организациями, управлять которыми могут лишь члены “своей” семьи. Партии строятся не вокруг идей, а вокруг лидеров, меняя названия и программы в зависимости от текущей популярности и авторитета руководителя. Большой проблемой остается коррупция в высших эшелонах власти, партийно-политической и управленческой сферах. Сегодня подчас кажется, что не бизнес пользуется привилегиями от связей с властью, а власть извлекает ренту из обслуживания интересов бизнеса.

Вместе с тем ПСД в концепции Норта описывается не как общество, застывшее в своей идеальной фазе развития, а как более справедливый социально-экономический порядок, переход к которому открыт для любого государства на определенном этапе. И в этом смысле тоже достижимый для Южной Кореи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ким Дэ Чжун (1992) Южная Корея: драмы и надежды демократии. М.: Республика.
- Симония Н.А. (1996) Правление Чон Ду Хвана и начало демократизации // Республика Корея: становление современного общества. М.: ООД ИМЭМО РАН. С. 52–62.
- Суслина С.С. (1988) Промышленность Южной Кореи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”.
- Федоровский А.Н. (1999) Южная Корея: особенности взаимоотношений государства и бизнеса // Место и роль государства в догоняющем развитии. М.: ООД ИМЭМО РАН. С. 63–73.
- Eun Mee Kim (1997) *Big Business, Strong State 1960–1990*. Albany: State Univ. of New York Press.
- Joungwon Kim (1997) *Divided Korea. The Politics of Development 1945–1972*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Hahm Sung Deuk, Plein L.C. (1997) *After Development. The Transformation of the Korean Presidency and Bureaucracy*. Washington, D.C.: Georgetown Univ. Press.
- Nahm C.A. (1988) *Korea. Tradition and Transformation; A History of the Korean People*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Oberdorfer D. (1997) *The Two Koreas: A Contemporary History*. Reading (MA): Addison-Wesley.
- Park Chung Hee (1979^a). *The Country, The Revolution and I*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Park Chung Hee (1970) *Our Nation's Path*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Park Chung Hee (1971) *To Build a Nation*. Washington: Georgetown Univ. Press.
- Park Chung Hee (1979^b). *Saemaul: Korea's New Community Movement*. Seoul: Korea Textbook. Co., Ltd.

REFERENCES

- Eun Mee Kim (1997) *Big Business, Strong State 1960–1990*. Albany: State University of New York Press.
- Fedorovskiy A.N. (1999) Yuzhnaya Koreya: osobennosti vzaimootnosheniy gosudarstva i biznesa [South Korea: features of relations between state and business]. *Mesto i rol' gosudarstva v dogonyayushhem razvitiy* [The place and role of a state in catch-up development]. Moscow: OOD IMEMO RAS, pp. 63–73.
- Joungwon Kim (1997) *Divided Korea. The Politics of Development 1945–1972*. New Jersey–Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Hahm Sung Deuk, Plein L.C. (1997) *After Development. The Transformation of the Korean Presidency and Bureaucracy*. Washington, D.C.: Georgetown Univ. Press.
- Kim Dae-Jung (1992) *Yuzhnaya Koreya: dramy i nadezhdy demokratii*. [South Korea: the dramas and hopes of democracy]. Moscow: Respublica.
- Nahm C.A. (1988) *Korea. Tradition and Transformation; A History of the Korean People*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Oberdorfer D. (1997) *The Two Koreas: A Contemporary History*. Reading (MA): Addison-Wesley.
- Park Chung Hee (1979^a). *The Country, The Revolution and I*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Park Chung Hee (1970) *Our Nation's Path*. Seoul: Hollym Corporation Publishers.
- Park Chung Hee (1971). *To Build a Nation*. Washington, D.C.: Georgetown Univ. Press.
- Park Chung Hee (1979^b). *Saemaul: Korea's New Community Movement*. Seoul: Korea Textbook. Co., Ltd.
- Simoniya N.A. (1996) *Pravlenie Chon Du Xvana i nachalo demokratizacii*. [Chung Doo-hwan's Reign and the beginning of democratization]. *Respublika Koreya: stanovlenie sovremennogo obshchestva* [Republic of Korea: formation of modern society]. Moscow: OOD IMEMO RAS, pp. 52–62.
- Suslina S.S. *Promyshlennost' Yuzhnoy Korei* [Industry of South Korea]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”.